

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ПРОДОЛЖЕНИЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ НУЛЕВЫХ

МЕТРО 2035

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ?

metro

НАШЕ
МАКСИМУМ
ЖУРНАЛ
РУССКИЙ РЕПОРТЕР

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

СЕРГЕЙ МОСКВИН

МЕТРО 2033:

ПИФИЯ

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М82

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — Дмитрий Глуховский
Главный редактор проекта — Вячеслав Бакулин

*Оформление обложки — Михаил Пантелеев
Карта — Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Москвин, Сергей Львович.

М82 Метро 2033: Пифия: [фантастический роман] / Сергей Москвин. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. (Вселенная метро 2033)

ISBN 978-5-17-982586-9

«Метро 2033» — Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Знать свое и чужое будущее — мечта любого. Даже того, кто считает себя главным идеологом Московского метро и координатором всего, что происходит в подземном мире. И вот уже на поиски таинственного прорицателя, способного заглянуть в будущее, отправляется жестокая и безжалостная охотница за головами по прозвищу Гончая. Но наступит ли будущее для обитателей подземных убежищ, если в разных местах по всему метро уже происходят необъяснимые и пугающие явления, а из недр земли упорно прорывается нечто невиданное, подстегиваемое неукротимым голодом и влекомое запахом желанной добычи?

**УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-982586-9

© Д.А. Глуховский, 2017
© С.Л. Москвин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

«ДЕТСТВА ЧИСТЫЕ ГЛАЗЕНКИ...»

Объяснительная записка Вадима Чекунова

Может, со мной кто-нибудь и не согласится, но я всегда был убежден, что этот период нашей жизни, который мы называем «детством», буквально напичкан трудностями и ужасами. Конечно, случаются там и радости, и веселье, и даже вспышки ослепительного, безмятежного счастья... Но это, как правило, лишь награда за успешное преодоление тягот и лишений детской жизни.

Разве может быть детство счастливым? Сплошные беды и несчастья. Всякие страшные коклюши — мне при этом слове чудился черный скрюченный стариковский силуэт, крадущийся вдоль стены. Жуткие ангины, когда горло словно натерли наждачной бумагой, а голову сунули в печь. Коварная свинка, только и ждущая, чтобы раздуть твоё лицо до невообразимых размеров... А потом выйдешь на слабых ножках, после болезни, из дома в ноябрьскую утреннюю темень, за руку с мамой, и бредешь в садик... Там все по-прежнему: суетня и толкотня в раздевалке, тошнотворный запах каши, воспиталки вечно орут на всех — которая толстая и с пучком на голове, та больше ревет по-медвежьи, а тощая верещит, точно угодивший в силки заяц. И это еще лишь в том случае, если мы ни в чем не виноваты. Представьте, как они орали, когда мы пробовали разнообразить и скрасить тягучие будни — поджечь украденными из дома спичками ковер в игровой комнате или нарезать красивую бахрому на шторах...

А еще у моего дружка Пыри был набор «индейцев с ковбойцами», ему из Югославии привез кто-то из родни, съездив в командировку. Объемные, в живых и динамичных позах, ярко-разноцветные все, вызывающе ненашенские. А у меня лишь плоские красные витязи и зеленые крестоносцы, из набора «Ледовое побоище». И Пыря, жади́на-говя́дина, никак меняться

со мной не хотел. Ну, мы с другим дружкой, Дюшей, его отлупили и захваченное богатство справедливо поделили. Радость была недолгой. Дюшу его папаша выпорол ремнем, а меня мои родители на весь день поставили в угол. Там, в углу, я мучительно долго ныл и маялся, ковырял ногтем краску и завидовал давно освободившемуся Дюше. Уж лучше б и меня высекли да отпустили...

Вдобавок ко всему, под кроватью жили Красные Руки, ждали, когда наступит ночь...

Детство – трудное, тяжелое время. И тянется оно, и тянется, и уже кажется, конца края ему не видать...

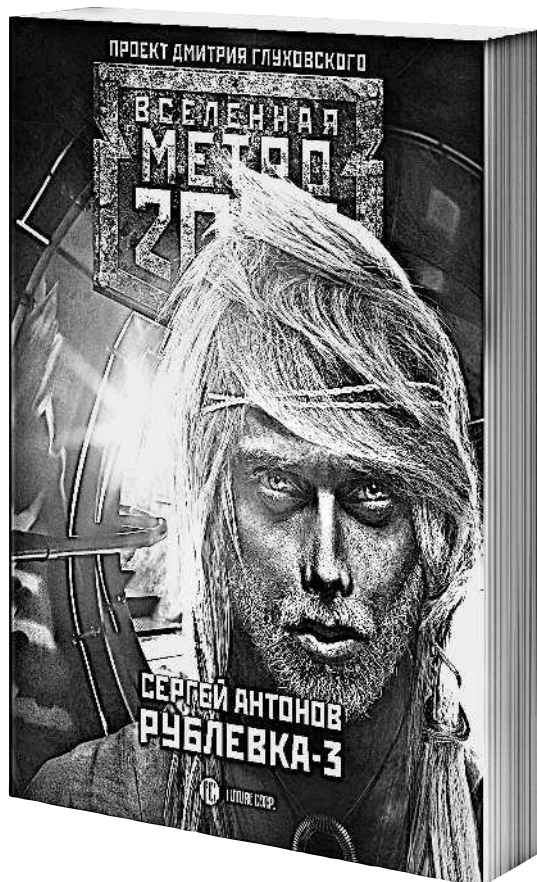
Да и когда оно, наконец, закончится, легче-то не будет. «Вот вырасту, и тогда!..» Становишься старше и понимаешь, как мало отведено времени, чтобы совершить хоть что-то. Меньше, чем «духу» в армейской столовой на принятие пищи. Хватай и глотай, если вообще успеешь, а уже подадут команды «встать!» и «на выход!» И душа твоя, будто выданная на складе форма – новенькая, чистая, пахнет чуждым этому миру невинным запахом. Так будет недолго. Затаскается, полиняет, пропотеет, сменит сотни подворотничков, изорвется в лоскуты, угодит в окопную жижу, завшивеет, измажется гноем, солярой, кровью, дерьмом... Тогда и начинаешь грустить по былой чистоте, да только не вернуть уже ничего.

Потому и дорожим нашим детством, хотя все мы родом из него и знаем, что почем там.

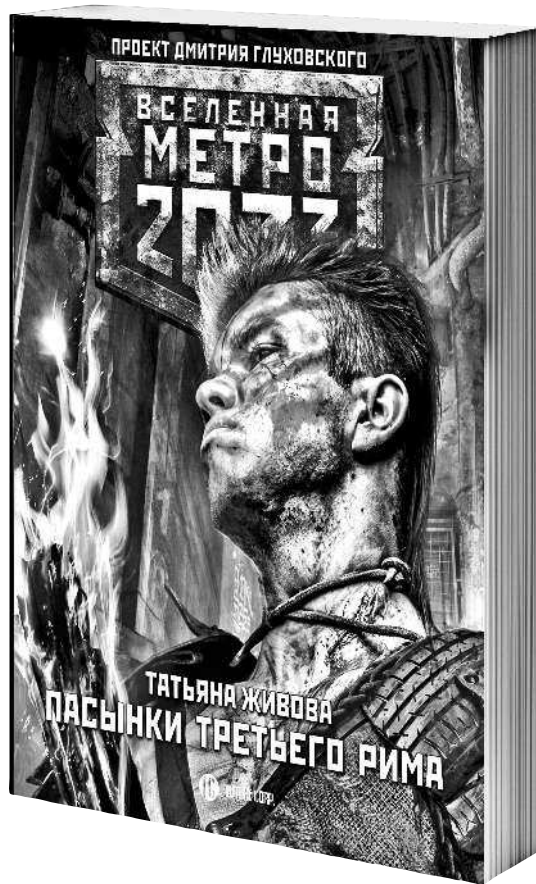
Потому и смотрим на детей наших, сопящих в кроватках, с пониманием и сочувствием. Нам, выросшим в большинстве своем в мирное время, страшно даже подумать о грядущих (а они ведь грядут, да?) катаклизмах и представить, на что будут обречены наши дети, или дети наших детей.

Остается, как всегда – надеяться на лучшее и готовиться к худшему.

Берегите детей.

Старый фараон умер. Или нет? Рублевка под властью загадочного провидца... Но кто он – мессия или безумец? Чем закончится полет Томского и Вездехода на автожире? Что ждет Юрия Корнилова и его соратников в их борьбе с божественной жуковской оппозицией и ее лидером, таинственным Конструктором? Устоит ли Рублевская Империя перед новыми, свалившимися на нее напастьями? Ответы на все эти вопросы ищите в заключительной книге трилогии Сергея Антонова.

Когда один твой близкий человек покидает этот мир, а другой тебя и знать не желает, впору решить, что хуже, чем теперь, вряд ли будет. Однако судьба, словно желая добить, подкидывает новые испытания. Внезапный плен, рабство, арена, клетки с чудовищами... Полные безгливости и неприязни взгляды, направленные со всех сторон... А тебе — всего пятнадцать лет, ты — затерянный в чужом и враждебном тебе Большом Метро «экзотический» раб-мутант из племени скавенов. И сейчас твоя важнейшая задача — не только самому вырваться из неволи, но и вытащить оттуда единственного среди «чистых» людей друга. Что ты предпримешь, Марк, сын Хмары из Алтуфьева? Ведь здесь ты — всего лишь раб-смертник, и времени у тебя — всё меньше, а возможностей — вообще никаких. Но... Ave, Третий Рим, обреченные на смерть приветствуют тебя!

Прелюдия

Сны — это картины, которые видят во сне. Я тоже вижу, даже когда не сплю. Вернее, сплю... Не знаю, как это объяснить. Просто вижу. Мои сны очень яркие и всегда цветные. Иногда радостные, чаще страшные. Но сейчас и наяву радости мало. Вот двадцать лет назад, до Страшной Войны, когда люди жили в больших красивых домах, а не под землей, в метро, наверное, все радовались жизни и веселились. Я только не могу понять, почему случилась Страшная Война? Как люди позволили ей начаться, если им было хорошо и радостно жить? Война разрушила города, отравила землю и воду и убила много, очень много людей. А те, кто выжил, спрятались от Войны под землей, в метро, и так и живут здесь.

Мы со старшей сестрой никогда не видели довоенного мира. Она родилась через год после Войны, а я еще позже. Но иногда вижу его в своих снах. Когда под рукой есть карандаш и бумага, мне удастся его нарисовать. Я и рисую во сне. Не знаю, как это происходит, но когда открываю глаза, передо мной лежит готовый рисунок. Сестра говорит, что у меня талант. Ей даже удалось продать несколько моих картин заезжим торговцам. Но есть рисунки, которые я никому не показываю. Они пугают меня, хотя я не понимаю, что там нарисовано. Не понимаю, но догадываюсь.

Это порождение Страшной Войны, бушевавшей на земле двадцать лет назад. Война не только убила множество людей, еще она разрушила силы добра, которые оберегали жизнь на земле! Как только силы добра распались, зло, которое они сдерживали, вырвалось на свободу. Я не знаю, какое оно, но я его чувствую. Чувствую, как оно растет и приближается.

* * *

— Майка, ты опять?! Ночью спать надо, а не картины рисовать.

— В метро всегда темно. Не поймешь, когда день, когда ночь.

— Ночь, когда люди спят. И потом, это только у нас на Маяковской всегда темно, а на других станциях совсем не так. Вот на Белорусской, когда горят все лампы, так светло, что даже глаза слезятся.

— Наверное, это очень красиво, да? Я бы тоже хотела увидеть, хотя бы одним глазком. Ты сводишь меня туда?

— Свою. Обязательно свою. Только сначала подрасти немного.

— Почему ты вздыхаешь?! Не вздыхай! Если тебе трудно или тяжело, я подожду. Сколько будет нужно, столько и подожду. Ты же знаешь, мне свет не нужен.

— Знаю. Хотя никак не пойму, как ты в темноте рисуешь? Ладно, показывай, что там у тебя. Погоди, свечку зажгу. Я-то в темноте не вижу... Новый рисунок? Там вдали дома? Это поверхность?

— Наверное, раз дома.

— А это что, железная дорога и вагон на путях? Разве такие большие вагоны бывают? И почему без окон?

— Он не для людей. Для Войны. Там внутри волны огня.

— Волны огня? Не понимаю.

— Я тоже.

— Ох, Майка. Лучше бы нарисовала мамин портрет. Мы бы повесили его в палатке, смотрели на него и представляли, что мама по-прежнему с нами.

— Я очень этого хочу! Очень! Постоянно думаю о маме, вспоминаю, какая она была. А когда пытаюсь нарисовать — не получается.

— Не получается... Других же ты рисуешь. Вот кто эти люди?

— Не знаю. Я их никогда не видела, ни во сне, ни наяву. Только ее. Это она — женщина в маске.

— Та злая женщина, которая тебе приснилась?

— Злая. Но мне все равно ее жалко.

— Странная ты, Майка. Сначала испугалась ее до слез, а теперь жалеешь.

— Да, потому что ей очень тяжело! Я чувствую.

— Ох, милая, кому сейчас легко?..

ГЛАВА 1

ВЫГОДНЫЙ КОНТРАКТ

Гончая открыла глаза. Цепкий, внимательный взгляд мгновенно оценил обстановку.

Как всегда, пробуждение оказалось мгновенным. Первая мысль: «Опасность?!» Даже не мысль — инстинкт! Для мыслей было еще рано — мозг недостаточно проснулся, но мышцы уже напряглись, чтобы сорваться с места, уворачиваться, рвать и кусать. Но уже через мгновение включился мозг, взяв управление телом под свой контроль, и мышцы расслабились. Опасности не было. Во всяком случае, органы чувств, отточенные годами реальных схваток и тренировок, не ощутили ее.

Все верно. Значит, накануне она грамотно выбрала место для сна: с одной стороны, достаточно близко к внешнему блокпосту, чтобы иметь защиту при нападении грабителей или хищных мутантов и своевременно среагировать в случае объявления тревоги, с другой стороны, достаточно далеко от станционной платформы, чтобы местные не заметили ни ее, ни ее маленькую пленницу.

Гончая перевела взгляд на свернувшуюся калачиком малую. Отблески костра, который жгли на блокпосту охранники, почти не рассеивали темноту, но этого «почти» было достаточно, чтобы заметить, как распухшие губы малой слегка подрагивают, а веки и ресницы, на удивление длинные для такой маленькой девочки, испуганно трепещут. Накануне девчонка собственными глазами увидела гибель сестры, заменившей ей отца и мать, — единственного близкого человека, который заботился о ней. Неудивительно, что девчонке снились кошмары. Тем не менее малая спала. Гончая видела это по ее дыханию. Во сне дыхание всегда чуть более расслаблено, это и отличает спящего человека от притворяющегося. Что-то, а притворство Гончая определяла безошибочно. Это было условием выживания в ее профессии. Точнее, просто условием выживания в рухнувшем мире.

Гончая не думала, что пленница уснет после всего, что ей пришлось пережить, и была готова провести с девчонкой бессонную ночь, не спуская с нее глаз. Но та все-таки уснула. Может, так организм малой защищался от обрушившихся на нее ужасов (Гончая как-то слышала от одного книжного червя из Полиса нечто подобное — довольно странный и уж точно бессмысленный, по ее мнению, способ защиты), а может, это усталость и истощение взяли свое, и измученная девчонка попросту вырубилась.

Гончая присмотрелась к своей пленнице. Она уже не раз делала это, но сейчас взглянула по-другому, без мыслей об угрозе, которую могла бы представлять для нее девчонка. Интересно, сколько ей лет? Пять-шесть, не больше. Лицо чумазое, но довольно симпатичное, даже с опухшими и разбитыми в кровь губами. Один из шакалов ударил ее по лицу, когда малая стала слишком громко орать. В общем-то, этого можно было и не делать — никто из обитающих на Маяковской запуганных доходяг не вступился бы за них с сестрой, наоборот, жители станции только еще глубже забились в свои щели, так что малая могла надрываться криком хоть до посинения. Вот второй раз она получила по губам заслуженно, когда укусила за палец того типа, что держал ее. Вряд ли это было проявлением смелости, скорее отчаяния, но Гончая все равно оценила поступок.

Малая была ничуть не крепче и не сильнее своих сверстников с Маяковской, на вид такая же дохлая, как и все прочие обитающие там голодранцы. Но что-то в ней было. И в ней, и в ее сестре. Вон как та бросилась ее защищать. Одна против двух громил. С голыми руками на ножи. Ведь понимала, что убьют, не могла не понимать, а все равно бросилась.

Ее и убили. Хорошо, что сразу. Прежде чем зарезать девку, эти твари вполне могли попытаться ее изнасиловать, причем прямо на глазах младшей сестры. В любом случае Гончая не позволила бы им измываться над старшей — психика малой могла не выдержать такого зрелища, а ее рассудок ни в коем случае не должен был пострадать. Стратег особо подчеркнул это, когда формулировал задание. Поэтому, попытайся эти шакалы овладеть сестрой девчонки, пришлось бы валить их прямо на месте. Тогда сорвался бы весь тщательно выстроенный план, а этого Гончей совершенно не хотелось.

К счастью, импровизировать не пришлось. Старшая из сестер, налетев на ножи, умерла быстро и почти безболезненно, что бывает крайне редко. Шакалы в горячке нанесли ей множество колотых ран, но в основном уже мертвому телу. Так что ей, можно сказать, повезло. Сама малая тоже легко отделалась, получив всего пару оплеух. Не считая разбитых губ, ей практически не причинили вреда — убийство старшей сестры не в счет. Стратег останется доволен.

Выбравшись из-под так и не просохшей плащ-палатки, Гончая сделала несколько резких взмахов голыми руками, чтобы разогнать кровь по жилам и немного согреться. Застиранная рубашка, которую она для просушки развесила на торчащих из стены туннеля железных кронштейнах, конечно, еще не высохла. Тем не менее ее придется надеть, чтобы не выделяться из толпы

челноков, следующих на станцию. Человек, одетый не так, как остальные, поневоле привлекает к себе внимание.

Малая беспокойно заворочалась под плащ-палаткой, но не проснулась. Гончая протянула руку, чтобы разбудить спящую девочку, но в последний момент передумала. К чему? Спешить некуда. Впереди у них долгий путь, но закончится он только тогда, когда малая станет полностью доверять своей спутнице. Или пока одна из них не умрет. По собственному опыту и по многочисленным рассказам обитателей агонизирующего подземного мира Гончая знала, что это может случиться в любой момент. Без ее защиты и помощи шестилетней сироте в Московском метро попросту не выжить.

Она снова взглянула на сжавшуюся в комок пленницу. Во взгляде не было ни любви, ни ненависти. Ни того, ни другого малая не заслужила. «Пусть спит. Чем дольше проспит, тем больше успокоится».

Последнее утверждение вызывало у Гончей серьезные сомнения. Судя по напряженной позе девочки и по тому, как она беспрестанно вздрагивала во сне, ей вряд ли снилось что-то хорошее.

* * *

Шум за стенками палатки. Шорох. Угрожающий. И голоса:

— Здесь, что ли?

— Да-да. Давай резче!

Страшные голоса.

Майка вздрагивает.

— Что ты, котенок? — Сестра удивленно смотрит на нее, еще ничего не понимая, придвигается ближе, пытается обнять, но не успевает.

Свисающий полог палатки отброшен в сторону чьей-то грубой рукой, и внутрь просовывается вытянутая, словно сплюснутая с двух сторон, голова с прилипшими к вискам салными волосами.

— Ну?! — раздается снаружи.

— Ни черта не вижу, — отвечает заглянувший в палатку человек. — Посвети.

У него заросшее щетиной лицо, мечущийся по сторонам взгляд и кривые желтые зубы.

— Что вам надо? Сейчас же уходите! — Сестра тоже напугана, хотя и старается этого не показывать. Но на ее крик никто не обращает внимания.

Мужские руки снова вцепляются в палатку, изношенная ткань с треском рвется. Теперь Майка полностью видит этих пугающих людей. Их двое. Худые, высокие, с бледными, перекошенными злобой лицами. И они ее тоже видят, один из них указывает на девочку.

— Эта, что ли?

Второй вместо ответа дергает головой. У него длинная, худая шея, покрытая множеством мелких гноящихся прыщей.

— Поищи картинки! — приказывает он. — У той должны быть картинки.

Майка ничего не понимает. Но страшный человек, который их почему-то узнал, наклоняется и тянется к ней. Сестра отталкивает его руки и кричит:

— Майка, беги! На помощь! Люди! Помогите!

Майка хочет убежать, но не может. Ноги запутались в солдатском одеяле, которым они с сестрой укрываются от холода. И потом, она и не знает, куда бежать, не понимает, как можно оставить сестру.

— Заткнись, — рычит человек с прыщами на шее. — Закончим с мелкой, тобой займемся.

В его руке внезапно появляется нож. Огромный нож с широким и длинным лезвием! Сестра тоже видит нож. Она вскакивает на ноги и бьет того, кто хотел схватить Майку, рукой по лицу. Рука безоружна, слаба, но человек отскакивает в сторону, зажимая ладонью алые борозды от ногтей на щеке.

— Все, тварь! Тебе конец! — Человек с оцарапанным Лицом тоже выхватывает нож.

— Прочь! Пошли прочь!

Сестра и страшный человек бросаются друг другу навстречу. Стальное лезвие мелькает у Майки перед глазами и... исчезает. В первый миг Майка не может понять, куда оно делось. А потом страшный человек уже выдергивает нож из груди ее сестры. Несколько капель крови срываются с него и падают Майке на лицо. Девочка вскрикивает, но страшного человека это не останавливает, и он еще раз бьет сестру своим черным и липким ножом, еще и еще... К нему присоединяется второй, и они уже вдвоем начинают остервенело кромсать ножами залитое кровью хрупкое тело.

Майка не может этого вынести и закрывает глаза.

— Мама! — раздается в темноте ее отчаянный вопль.

Мама умерла четыре года назад, когда Майке не было и двух лет. Но больше не к кому обратиться и некого сейчас позвать на помощь. Она осталась совсем одна. Сестры больше нет. Даже с зажмуренными от ужаса глазами Майка знает это совершенно точно.

— А ну, заткнись!

Кто-то из убийц бьет Майку по лицу. Из расквашенных губ брызжет кровь, а голова взрывается вспышкой боли, но Майка продолжает кричать.

— Заткнись, я сказал!

Грубая, шершавая ладонь зажимает ей рот. Майка открывает глаза, видит, как один из убийц роется в разбросанных по полу вещах, а позади него... Майка не хочет туда смотреть и все равно смотрит. Там лежит ее сестра, холодная и неподвижная — мертвая.

Майка бьется в чужих руках, но руки сильнее. Она не может вырваться и тогда в отчаянии впивается зубами в зажимающую рот ладонь. Злоба и ненависть к убийцам придают ей сил. Зубы прокусывают грубую кожу и вгрызаются в плоть.

Возмущенное ругательство. Убийца не ожидал такого поворота. Его ладонь на мгновение отлепляется от Майкиного рта, но лишь для того, чтобы

снова хлестким ударом обрушиться на ее лицо. Голова гудит, а перед глазами одна за другой расплываются жирные черные кляксы.

Последнее, что успевает услышать и разглядеть Майка, прежде чем сгущающаяся чернота окончательно засасывает ее, это радостное восклицание роющегося в вещах убийцы:

— Во, нашел! — И он, повернувшись к своему напарнику, трясет в воздухе смятой пачкой рисунков.

* * *

Гончая уловила момент пробуждения пленницы незадолго до того, как та открыла глаза, заметила по тому, как дыхание малой изменилось, вздохи стали короче. Для Гончей этого оказалось достаточно, чтобы понять: девчонка сейчас проснется. И тут же повернулась к пленнице спиной, не оглядываясь, даже когда почувствовала на себе ее внимательный взгляд. Малая должна была первой заговорить: задать вопрос или попросить о чем-нибудь. Сама просьба значения не имела. Главное, чтобы девчонка с первого дня ощутила зависимость от своей спутницы. Это было важно для правильных отношений, сразу принять, кто среди них главный. Но пауза затягивалась, малая упорно молчала.

Наконец, когда у Гончей уже заканчивалось терпение и дальше изображать, что она копается в пустой торбе, стало просто глупо, вопрос все-таки прозвучал. Но совсем не тот, какой женщина ожидала услышать от пленницы.

— Зачем я тебе?

Когда они впервые встретились лицом к лицу, малая тоже повела себя неожиданно...

* * *

Убедившись, что шакалы схватили кого нужно, Гончая спрыгнула с платформы и вернулась в туннель. Она двигалась совершенно бесшумно в сгустившейся тьме, не было сейчас при себе фонаря, поэтому ее присутствие на Маяковской осталось для всех незамеченным. Даже сами шакалы не подозревали, что за ними наблюдают из темноты.

Как и рассчитывала Гончая, поиск рисунков малой занял у похитителей какое-то время, это позволило ей полностью подготовиться к встрече. Когда похитители возвратились в туннель со своей добычей, она ждала их в условленном месте со связанными руками и ногами и кляпом во рту. Узлы на веревках были фальшивыми, лишь кляп настоящим, и на избавление от пут Гончей понадобилось бы менее секунды. Жаль только, что малая, на которую все это и было рассчитано, не смогла оценить ее стараний, так как пребывала в отключке.

Первым в туннеле появился Прыщ, так про себя называла Гончая шакала с изъеденной фурункулами шеей. Другой за слипшиеся и свисающие